

Посвящается всем,
изменившим свою жизнь

Луна озаряет равнину окрест.
За прялками в полночь сидят семь невест.
Смочив своей кровью шерсть черных ягнят,
Поют заклинанья и нитку сучат¹.

Нуждайся упыри в услугах хирургов, он бы тотчас нанялся к ним на службу — чтобы хоть днем получалось высыпаться. С такими мыслями Эшес Блэк, смуглый, как нечищенная труба, и с волосами, похожими на завитки сажи, устало плюхнулся в кресло и вытянул ноги к огню. Миска с овсянкой, которую Роза оставила для него в очаге, с шипением опрокинулась, и по комнате пополз запах горелой каши. Он чертыхнулся, но подниматься не стал. Денек выдался не из легких. Все тело ломило, а в голове крутились сумрачные мысли — под стать погоде за окном: ливень барабанил о ставни, а ветер с воем вгрызался в крышу коттеджа, словно в надежде сорвать ее и унести в грозовую ночь.

Крупная черная тень метнулась к Эшесу через всю комнату и улеглась возле ног, оставив в пламя глаза-бусины. Он привычно запустил пальцы в спутанную шерсть пса, а потом прислушался. Сверху не доносилось ни звука: Роза уже легла. Не без сожаления расставшись с креслом, он наведалься в заднюю комнату и обратно вернулся уже с шелковой нитью и прямоугольной бутылью из толстого темно-зеленого стекла. Вынул зубами тугую пробку и опустил нить в сосуд.

Не успел Эшес ее выгащить, как дверь просела под градом настойчивых ударов, заглушающих раскаты грома. Он решил не откликаться, но непрошенные гости не уходили.

— Эй, хозяин дома?

¹ В. Скотт. Замок семи щитов. Пер. М. Донского. — Здесь и далее прим. авт.

- Проваливайте!
- Ты ведь хирург?
- Прием окончен, приходите утром.
- К утру содохнет, на твоём пороге.

Выругавшись, Эшес спрятал бутылку, шагнул к двери и отодвинул засов.

На пороге стояли двое: низенький крепыш в потрепанном красном камзоле и с засаленными кружевными манжетами и его длинный, как жердь, спутник в желтом сюртуке, со впалыми щеками и вытянутым, как у маски чумного доктора, носом. Накидок на них не имелось, но волосы непостижимым образом оставались сухими. Незванные гости поддерживали какой-то куль, замотанный в плащ. Вот с него вода текла ручьями.

— Принимай поклажу, — хмыкнул толстяк в камзоле и встряхнул куль.

Тот застонал.

— Заносите, — бросил Эшес, пошире растворяя дверь, — приготовлю пока операционную. Там же находится и приемная.

Направляясь во внутреннюю комнату, он услышал наверху шебуршание и шлепанье босых пяток: Роза проснулась.

Он быстро поправил лежак, очистил рабочее пространство и крикнул в приоткрытую дверь:

— Все, давайте его сюда!

Никто ему не ответил, и Эшес, вздохнув, вернулся в гостиную.

— Так что там с вашим това... — Он замер, так и недоговорив.

Дверь была нараспашку — на порог уже успела натечь лужа, а давешних гостей и след простыл, зато брошенный товарищ лежал посреди гостиной, слабо шевелясь и постанывая. Эшес кинулся к двери и выглянул наружу, но за густой пеленой дождя не виделось и намека на красный камзол и желтый сюртук. Ворота были по-прежнему закрыты — неизвестные растворились без следа. Услышав позади стон, Эшес с усилием захлопнул дверь — ветер сопротивлялся до последнего — и поспешил к больному. Склонившись над ним, он откинул капюшон и от удивления отступил на шаг. На полу лежала совсем молоденькая девушка: глаза с длинными слипшимися от дождя ресницами закрыты, лиловые губы обметаны, а мокрые черные волосы обмотались вокруг шеи на манер удавки. Она

была босой и мелко дрожала. Эшес отвернул плащ: под ним обнаружился огромный живот — девушка была на сносях.

Кто-то наверху всплеснул руками.

— Батюшки мои!

На площадке второго этажа стояла Роза. Чепец поспешно натянут на папильотки, а из-под халата выглядывает сорочка.

— Ну, не стой столбом! Спускайся и помоги.

Служанка засеменила вниз, причитая и бормоча какую-то женскую чепуху, будто ни разу не видывала больного за те два года, что работала у Эшеса.

— Послать за повитухой?

— Нет времени.

Эшес подхватил девушку на руки — весила она совсем как ребенок, несмотря на положение. Роза придержала дверь, и он быстро занес ее в операционную. Хотя он и старался действовать аккуратно, незнакомка беспрестанно морщилась и стонала, будучи в бреду из-за родильной горячки и непрекращающихся схваток.

— Давно грела воду?

— Перед сном. Оставляла вам, в чайнике.

— Неси. И захвати таз и чистые тряпки.

Роза бросилась выполнять распоряжение, а Эшес повернулся к девушке. Та, кажется, пришла в себя. Из-под ресниц блеснули два изумрудных серпа и остановились на нем. С минуту она лежала, беззвучно уставившись на него, а потом сморщилась, и дом наполнился криком.

В следующие полчаса он взмок, как в парильне, а от Розы было больше суеты, чем проку. Еще час спустя все закончилось. Но плач, вызываемый первым вдохом, так и не огласил стены. Даже не узнав об этом, измученная мать снова впала в забытье.

Дождь неожиданно стих, будто в дань памяти, и лишь в отдалении еще слышались отголоски уходящего грома. Эшес завернул младенца в простыню и, не глядя, протянул Розе.

— Отнеси под паперть¹.

Бросив на него непонятный взгляд, та взяла сверток и послушно направилась к двери. У выхода сняла с гвоздя вязаную кофту и сунула босые ноги в башмаки.

— Возьми мой плащ, — крикнул он ей вдогонку.

¹ Незаконнорожденных младенцев хоронили под церковной папертью.

8 ❁ ВАРЯ МЕДНАЯ, АЛЕНА САВЧЕНКОВА ❁

Когда дверь за Розой захлопнулась, Эшес перевел взгляд на пациентку.

Та лежала неподвижно, только грудь тяжело, прерывисто вздымалась. Ключицы блестели от пота. Теперь, когда бледное личико не дергалось и не кривилось, стало очевидно, насколько она юна — лет шестнадцати. Кольца на пальце не имелось. Тело покрывали синяки и ссадины разной степени давности. Был ли то рукастый любовник или родители, узнавшие о положении дочери и выгнавшие непутевую из дома, — его это не касалось.

Кто были те двое, Эшес даже смутно не представлял. Не исключено, что просто нашли ее на дороге. Это вполне объясняло как их внезапное исчезновение, так и нежелание связываться с последствиями проявленного милосердия.

В общем, дело житейское. Завтра очухается и пойдет своей дорогой.

Роза торопливо огибала деревню, кутаясь в подбитый мехом плащ и то и дело озираясь по сторонам: мало ли кто из односельчан не спит. А ну как за ней сейчас наблюдают?

От этой мысли лопатки покрывались липкими мурашками, придавая ей резвости. Вот уже четыре года она жила в их Бuzинной Пустоши и именно поэтому ни за что бы не хотела столкнуться с кем-то из соседей ненастной ночью на пустынной дороге.

Окончательно поддаться страху мешала злость: надо же, погнал, как собаку, хоронить греховное отродье! Впрочем, одернула она себя, малютка-то ни в чем не виноват. Роза опустила глаза на младенца, и сердце жалостливо съежилось. Разозлиться как следует не получалось, потому что она знала: хирург это не со зла и не от черствости. Просто порой в его чудную голову не приходят простейшие мысли. К примеру, то, что слабая девушка (умение втащить в чулан мешок угля не в счет) никак не в состоянии в одиночку схоронить младенца под церковной папертью, да еще в такую ночь. В отличие от него, Роза прекрасно это понимала, поэтому, даже не взглянув на блеснувший впереди шпиль, свернула к зарослям, за которыми раскинулось болото.

В общем-то это был скорее пруд, но прозвание у местных закрепилось прочно. Лишний раз сюда старались не со-

ваться — болото пользовалось дурной славой. Не то чтобы здесь случалось что-то лихое, но у всякого в этом месте поджилки начинали трястись. А все потому, что болото казалось каким-то неживым. Густая стоячая вода заключалась в небольшой котловине, как в чаше. Ее и прилегающий берег накрывала колпаком звенящая ничем не нарушаемая тишина. Даже не тишина — отсутствие звуков, словно сам воздух проглатывал любое проявление жизни. Оцепенение нарушали лишь блуждающие огоньки, пльвшие над водой огромными мерцающими светлячками. Этот завораживающий хоровод наполнил о празднике Начала года, вот только цеплялись сияющие шары за пустоту. Но была в их неприкаянном полете своя мрачная красота...

Роза приблизилась к воде. Лишенная зеленых крапинок раски, суетливого мельтешения водомерок и даже пузырей, та смотрелась странно голой. От нее не проистекал смрад, в ней не было водорослей, над ней не стелились ядовитые испарения. От нее не исходило ровным счетом ничего. Выглянувшая из-за туч крупная желтая луна светила прямо над болотом, но, вот ведь чудо, не отражалась в нем. Оставаясь гладкой, вода тем не менее постоянно двигалась: вязкая жидкость мягко колыхалась и перекатывалась, подчиняясь одной ей ведомой логике.

Роза застыла, залюбовавшись ее успокаивающим маслянистым покачиванием. А потом спохватилась и осторожно, на вытянутых руках, опустила тельце в воду. Проплыв пару ярдов, оно на мгновение замерло и беззвучно ушло под воду, не оставив на поверхности даже кругов, словно болото приняло жертву.

Как только кончик простыни скрылся из виду, Роза что было мочи припустила обратно. Второпях она не заметила выбоину на дороге и вздрогнула, когда ледяная вода залилась в башмаки. Опустив глаза, она обнаружила, что стоит посреди лужи. Вода морщилась кругами, а вокруг щиколоток плавали звезды, будто она угодила башмаками в небо.

Глава 1

О странном особняке и его еще более странных обитателях

Роза вернулась на удивление быстро, уже с пустыми руками. Эшес как раз закончил все протирать и кидал использованные тряпки в корзину.

— Уже?

Служанка кивнула.

— Иди спать, я сам закончу уборку.

— Вот еще! На ногах ведь еле стоите. Поднимайтесь-ка к себе, я обо всем позабочусь.

Она решительно забрала у него корзину, и Эшес был ей за это благодарен. Но тут ее взгляд упал на бутылку, впопыхах задвинутую в углубление между стеной и очагом. Ее брови немедленно сошлись на переносице, и Роза стала похожа на утку.

— Даже не начинай, — холодно предупредил он.

— Даже не думала.

Она вздернула подбородок и прошествовала к спуску в кухню. А Эшес, и впрямь покачиваясь от усталости, направился к лестнице. Бесконечная ночь.

Он был на середине подъема, когда почувствовал их. От шеи вниз по спине пробежал озноб и перекинулся на грудь. Он оглянулся на окно: ставни ходили ходуном от ветра, из щелей дуло, но это был не тот холод. *Этот* шел изнутри. Вздохнув, он спустился вниз, вышел на крыльцо и плотно притворил за собой дверь, чтобы не выпустить тепло.

Крыши соседских домов влажно блестели, в окнах царил темнота, а залитая лунным светом дорога была совершенно пустынна. Через минуту на ней показалась светящаяся точка, а следом из-за поворота вынырнула похожая на гигантского

кальмара карета. Ее тянула четверка лошадей — две белой и две вороной масти, — расположенных в шахматном порядке. Животные были на редкость уродливыми, а их глаза горели красными углями, отражая пламя бегущего впереди факельщика. На козлах сидел мальчик лет шести и понукал их не детским басом. По бокам кареты колыхались лиловые перья, а сзади в нее вцепились крысиными пальчиками два одинаковых лакея в травянисто-зеленых ливреях и напудренных париках с косицами. Экипаж ехал довольно быстро, но из-за утопавших в хлопьях ночи колес казалось, что он величественно плывет по воздуху.

Наконец он остановился прямо напротив крыльца. Близнецы-лакеи одновременно повернули головы, как механические куклы, и уставились на Эшеса пустыми голубыми глазами. Дверца кареты приглашающе распахнулась, как рот, подножка откинулась. Почти ощутимый мрак выплыл наружу и пропитал пространство вокруг.

Эшес невольно поежился.

— Передайте хозяйке: сегодня не могу.

В ответ на это из глубины кареты выплыло белое костлявое лицо.

— Баронесса ждет, — вкрадчиво сообщил управляющий, Кербер Грин.

Эшес вздохнул.

— Схожу за вещами.

Он быстро вернулся в дом за саквояжем и курткой, попутно предупредив Розу, чтобы не ждала его. Не забыл и про пациентку:

— Эту ночь пусть проведет здесь, а утром, как придет в себя, спровадь. И дай ей чего-нибудь съестного в дорогу.

Роза одарила его хмурым взглядом, явно не одобряя такое расточительство, но перечить не стала. Со страхом обернулась через плечо.

— Не ехали бы, а!

— Глупости. Все в порядке, ложись спать.

Эшес поудобнее перехватил саквояж и вышел к карете. Грин снова откинулся на мягкое сиденье, и он запрыгнул внутрь. Управляющий дважды стукнул тростью с медным набалдашником о крышу, и экипаж тронулся в путь.

— Давно началось?

— С полчаса назад, сразу послали за вами, — ответил всегда любезный Грин.

От его неизменной учтивости продирало больше, чем от площадной брани. Получив требуемую информацию, Эшес замолчал. Поддерживать с управляющим светскую беседу он не собирался. И тот, зная его привычки, не нарушал тишину, так что дорога проходила в обоюдном вежливом молчании.

Время тянулось томительно долго. К тому же в карете было темно, и Эшеса, не спавшего почти двое суток, отчаянно клонило в сон. Пару раз он даже слышал чье-то похрапывание, но всякий раз пробуждался, когда карету подбрасывало на ухабах. Костюм управляющего терялся в тени, зато бледное лицо безошибочно указывало на его местоположение. Полупрозрачная кожа почти светилась в темноте, отчего казалось, что голова парит в воздухе. Всякий раз, поворачиваясь в его сторону, Эшес обнаруживал на тонких губах Грина неизменную учтивую улыбку.

Но вот колеса зашкрипели, и их откинуло назад: угрожающе раскачиваясь и кряхтя, карета принялась карабкаться вверх по склону. Снаружи доносились раскатистые «эге-гей!» несуразного возницы, пощелкивание хлыста и взбешенный конский рык. Наконец экипаж дернулся в последний раз, и они выехали на ровную площадку перед тяжелыми чугунными воротами. Ограждение изобиловало остроконечными элементами и щерилось в небо колыями-зубами. Прутья обвивали чугунные орхидеи с шипами, каждый из которых легко проткнул бы человека. При их приближении ажурные створки растворились — удивительно тихо для такой массивной конструкции, — и они очутились на подъездной аллее.

Особняк представлял собой внушительное зрелище: широкая парадная лестница с дорожкой из красного мрамора, стрельчатые окна со свинцовыми наличниками и водостоки, увенчанные горгульями, корчившими рожи редким гостям.

— Экипаж будет подан, как закончите, мастер Блэк, — сказал напоследок Грин, и карета скрылась из виду.

Сбоку от входа висел дверной молоток, но Эшес знал, что он не понадобится. И действительно: стоило ему преодолеть последнюю ступень, как дверь сама отворилась. За ней никого не оказалось, однако он и к этому привык, а потому, не мешкая, шагнул в полумрак холла.

Несмотря на обширность владений и неприличное богатство, баронесса обходилась минимальным штатом прислуги. Вот и сейчас никто не кинулся к нему, чтобы принять куртку

и препроводить в хозяйские покои. Эшес сам снял и повесил ее в холле и направился к центральной лестнице.

Баронесса стояла на верхней площадке, одной рукой опираясь о перила из красного дерева, а во второй держа толстую покрытую резьбой свечу. Воск успел расплавиться, и паутина нагара оплела ее пальцы.

— Рада, что ты сразу откликнулся, Эшес.

Он поморщился: она всегда называла его по имени, игнорируя привычное среди пациентов «мастер Блэк». Поначалу он исправлял ее, чем вызывал священный ужас окружающих и легкое пожимание плечами самой баронессы. А в следующий раз все повторялось.

В ее тоне Эшесу почудилась насмешка, но откуда бы она узнала, что он не хотел ехать?

— Он наверху?

— Как обычно.

Пока он поднимался, баронесса все так же неподвижно ждала. Длинные пепельные волосы были распущены, как у уличной девки, но при взгляде на нее никому бы и в голову не пришло это сравнение. Подчеркнуто простое платье мерцало в полумраке лунным молоком. Единственным украшением служила нитка жемчуга и приколотый к корсажу пышный черный цветок с красной сердцевинкой, похожий на вывернутый наизнанку мак. Эшес в который раз задался вопросом, сколько баронессе лет: у нее было тело девицы, голос женщины и глаза без возраста. Но несмотря на душераздирающую красоту, она никогда не вызывала у него желания.

Когда он с ней поравнялся, баронесса окинула его долгим взглядом своих странных фиолетовых глаз, чуть улыбнулась и сделала знак следовать за ней. От удушливо-сладкого аромата ее духов в сочетании с запахом горелого воска и пыльной тишины голову вело, а от недосыпа подташнивало. Эшес попытался сосредоточиться на ореоле свечи, которую держала тонкая белая рука. В какой-то момент ему даже почудилось, что пламя растет прямо из ладони. Он тряхнул головой и вскоре оказался перед высокими двустворчатыми дверями.

Если в коридорах царил прохлада, то в этой комнате было жарко, как в аду. Огромный, облицованный черным мрамором камин громко гудел, а вырывающиеся из него языки пламени с треском лопались, едва не облизывая лежащего на высокой постели больного.

— Почему окно закрыто? Ему нужен воздух.

— Разве? — безмятежно отозвалась баронесса. — Я слышала, что сквозняки в его состоянии вредны.

— Чепуха. Меньше слушайте узколобых столичных знатоков. Они считают, что опыт вреден для знаний.

Эшес шагнул к окну и дернул медную ручку, но рама не поддалась. Он нахмурился и обернулся к баронессе.

— Где ключ?

Та раскрыла ладонь и протянула латунный винтик, хотя он мог бы поклясться, что минуту назад там ничего не было. Эшес взял ключ, избегая касаться ее пальцев, и вставил его в скважину. Провернул в замке и снова дернул, но рама и на этот раз не поддалась.

— Кто заварил его смолой?

— Плотник, которого еще днем пригласил по моей просьбе Грин.

Эшес раздраженно вытер руки о штаны. Неужели нельзя было сказать об этом раньше? Порой ему казалось, что баронесса специально дразнит его. Скорее всего, так оно и было.

— Бога ради, позовите кого-нибудь из слуг, пусть пригласят огонь. Или вы мужа на ужин зажариваете?

— Я уже поужинала, — едва приметно улыбнулась баронесса и дернула за витой канат, свисавший в углу золотым пиштоном.

Где-то в глубине дома эхом отозвался глухой звук, похожий на удар колокола. Эшес отвернулся и подошел к кровати.

Больной лежал на пурпурных атласных подушках, напоминающих внутреннюю обивку гробов. Иссохшие узловатые руки вцепились в бархатное покрывало. Он хрипло дышал, изнывая от жарко натопленного камина. Его лоб, щеки и подбородок были покрыты темно-красными мазками, а одна большая алая капля зависла, дрожа, на кончике носа.

Супруг баронессы страдал гематидрозом — чрезвычайно редким и малоизученным заболеванием. По правде говоря, барон был единственным в практике Эшеса, и лечения для этого недуга пока не придумали. Приступы, как правило, длились от пары минут до нескольких часов, в течение которых несчастный в буквальном смысле слова исходил кровавым потом. Понаблюдав за ним какое-то время и тщательно зафиксировав симптомы и периоды обострений, Эшес пришел к выводу, что ухудшение наступало после сильного эмоционального потрясения. Все это пришлось собирать по крупицам, ввиду объективной неспособности самого барона поведать об ощущениях.

— Сегодня что-то произошло? Что-то взволновало или обеспокоило вашего супруга?

— Нет, — пожалла плечами баронесса, — ничего такого не было.

— Но что-то же должно было послужить толчком? — настаивал Эшес. — Помните, что я вам говорил: его нельзя лиш- ний раз волновать.

По правде сказать, задача была не из легких, ибо барон при- ходил в чрезвычайное возбуждение даже от сущих пустяков. Так, однажды его вывел из душевного равновесия вид гряз- ного оборвыша, просящего милостыню на ярмарке. Супруг баронессы тогда вывернул карманы и высыпал малышу в ку- бышку всю наличность. А ее с лихвой хватило бы на оплату года службы поденного рабочего. Родители ребенка так пере- пугались, что потом самолично пришли к Эшесу, умоляя и за- клиная его вернуть деньги его светлости.

— Ах, должно быть, все дело в той пьесе!

— Пьесе? — нахмурился Эшес.

— Да, сегодня прибыли ноты, которые я заказала специ- ально для него в городе. С самого утра мой дражайший су- пруг, — она мягко провела пальчиком по бархатному покры- валу, — просидел за клавесином, не пожелав прерваться даже на обед. У него такая... чувствительная натура. Это моя вина, я не должна была позволять ему так переутомляться.

— Да, не нужно было.

— Но я просто не смогла проявить строгость... — она при- подняла уголки губ, — одна композиция особенно поразила его, он исполнил ее не меньше десятка раз.

При этих словах барон дернулся, и Эшес снова глянул на скрюченные пальцы. Теперь ему показалось, что они стали та- кими от долгой игры.

— Больше не позволяйте ему этого, — сказал Эшес, удоб- нее подтыкая одеяло.

Все нужное было приготовлено заранее, поэтому он смочил губку в лавандовой воде, присел на стул возле кровати и потя- нулся к лицу больного. Мутный взгляд страдальца метнулся к нему. Он явно не узнал врача и в ужасе отшатнулся, отчего красная капля сорвалась с кончика носа и упала на нижнюю губу.

— Все в порядке, любовь моя, — баронесса присела на краешек кровати и медленно провела пальцем по рту мужа, стирая каплю (а на деле еще больше размазывая ее). Таким